

Лев Толстой

О безумии

(1910)

Журнал "Толстовский Листок/Запрещенный Толстой", выпуск пятый, Издательство "Пресс-Соло", Москва, 1994. OCR: Габриел Мумжиев (gabrielmv@yahoo.com)

Ce sont des imbeciles. Un imbeciles est avant tout un homme qu'on ne comprend pas. (Это -- безумцы. Безумец -- это прежде всего человек, которого не понимают.)

I

Вот уже много месяцев, особенно в последнее время, что я получаю не менее 2, 3 ежедневно (нынче было три) писем, в которых молодые люди, молодые девушки пишут мне о том, что они решили покончить с собой, но почему-то обращаются ко мне в надежде, что я избавлю их от этого каким-то моим советом. Письма эти бывают трех различных характеров. Первый самый обыкновенный: сельская учительница ради служения народу желает бросить свои занятия (она, мол, не достаточно образована для просвещения народа) и идти на курсы. И желание ее так сильно и так благородно, как она думает, что она решила покончить с робою, если желание это не будет исполнено. Или восторженный юноша, готовый покончить с собой, если ему не помогут развить свои, как он чувствует, могучие силы. Или изобретатель, желающий осчастливить человечество, или поэт, чувствующий свою гениальность, или девица, желающая умереть или поступить на курсы, или женщина, влюбленная в чужого мужа, или мужчина, влюбленный в замужнюю женщину. Письма различные по полу, возрасту, положению, но во всех их одна черта, общая всем этим людям. Черта эта -- слепой, грубый эгоизм, не видящий ничего, кроме своей персоны. "Повсюду несправедливость, жестокость, обманы, ложь, подлость, разврат, все люди дурны, кроме меня, и потому естественный вывод, что так как моя душа слишком возвышенна для этого порочного мира или порочный мир слишком гадок для моей возвышенной души, то я не могу больше оставаться в нем".

Таков первый разряд писем. Второй разряд это письма людей, желающих служить народу и не находящих способа приложения своих, очевидно, предполагаемых великих сил. -- Человек так благороден, так возвышен, что не может жить для себя, а желает посвятить свою жизнь на служение другим, но или не может этого делать, люди мешают ему, или сам не может почему-то отдаваться этому самоотверженному служению.

Человека не было никогда. Вдруг он появился и видит вокруг себя весь мир Божий, солнце, небо, деревья, цветы, животные, люди такие же, как он, которые любят и которых он может любить, и сознает сам себя со своими способностями разума и любви, которые он может довести до высшего совершенства. Все это дано ему откуда-то как-то, даром, хотя он ничем не мог заслужить этого, и вероятно для чего-нибудь, но он и не думает задавать себе этих вопросов.

Его никогда, никогда не было. И вдруг он сознает себя живущим, видит весь мир со всеми его радостями: солнцем, природой, растениями, животными, людьми такими же, как он сам, привлекающими его к себе, обещающими радость взаимной любви, видит возможность такого блага, выше которого он ничего не может себе представить, а он говорит:

"Все это нехорошо, и мне не нужно всего этого. Я хочу совсем другого, гораздо более важного. Я хочу, чтобы у меня было столько же денег, как и у Ивана Иваныча, или хочу, чтобы Марья Петровна любила меня, а не Семена Иваныча, или чтоб Семен Иваныч любил только меня одну, а никого другого; я хочу, чтобы я мог или могла выучиться разным наукам и за это получить такую бумагу, вследствие которой мог или могла бы ради служения народу сесть ему на шею. Или, что самое обыкновенное среди так называемой интеллигентной молодежи, хочу, чтобы я мог устроить ту республику, которую мы с